МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Филологический факультет

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Сборник материалов VII (XXI)
Международной научно-практической конференции
молодых учёных
(16–18 апреля 2020 г.)

Выпуск 21

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2020

что и тогда было всё обман и сейчас тоже обман, притворство <...> Но пусть, пусть!» [3. С. 194].

В условиях утраты экзистенциальных оснований, остро переживающейся именно в эмиграции, герои Кузнецовой через ощущение красоты, искусство прикасаются к некому целому, вселяющему надежду на существование божественного Космоса. Композиционная рамка, обнаруживаемая в сборнике «Утро» при сопоставлении первого и последнего рассказов, выполняет циклообразующую функцию, воплощает авторское представление о мире и человеке.

Литература

1. Кузнецова Г.Н. Грасский дневник. М. : Изд-во АСТ, 2017. 464 с.
2. Афонина Е.Ю. Поэтика авторского прозаического цикла : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2005. 24 с.
3. Кузнецова Г.Н. Пролог. СПб. : Издательский дом «Мирь», 2007. 327 с.
4. Плотникова А.А. Процессия погребальная // Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 т. М. : Международные отношения, 2009. Т. 4. 656 с.

DOI: 10.17223/978-5-94621-901-3-2020-80

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МОТИВА СМЕРТИ В РОМАНЕ-АНТИУТОПИИ XX ВЕКА: Е. ЗАМЯТИН, О. ХАКСЛИ, ДЖ. ОРУЭЛЛ.

Быстренков Д.Л.

Томский государственный университет, магистрант

TYPOLOGICAL ASPECTS OF THE DEATH MOTIVE IN THE DYSTOPIAN NOVEL OF THE 20TH CENTURY: E. ZAMYATIN, O. HUXLEY, J. ORWELL.

Bystrenkov D.L.

Tomsk State University, master student

В статье рассмотрено архитектурное значение смерти протагониста в романе-антиутопии. Проанализированы трагическая и героическая модели смерти и определена специфика художественной концепции этого феномена в романе-антиутопии.

Ключевые слова: Е. Замятин, О. Хаксли, Дж. Оруэлл, антиутопия, мотив смерти.

This article examines the significance of the death of a protagonist in a dystopian novel. The tragic and heroic models of death and the specificity of the artistic concept of this phenomenon in the dystopian novel are analyzed.

Key words: E. Zamyatin, O. Huxley, J. Orwell, dystopia, death motive.

Научный руководитель: А.А. Казаков, д-р филол. наук, профессор ТГУ.

Предлагаемое исследование является фрагментом изучения специфики художественной антропологии романа-антиутопии, которое, в свою очередь, включено в анализ литературного влияния Е. Замятина на англоязычную антиутопию. Аксиологическая значимость феномена смерти и в жизненном, и в эстетическом событии делает его одним из ключевых элементов художественной антропологии.

Рефлексивность, присущая антиутопии (это жанр не самодостаточный, а «анти» по отношению к чему-то другому), позволяет ей включать в себя чуждые архитектурные модели (в том числе модели смерти) для критического осмысления внутри собственной художественной структуры. Рассматривая антиутопию как анти-жанр, как это делает Г. Морсон, можно говорить о том, что антиутопия искажает и высмеивает не только традиции утопии, но и устои трагического и героического в романе.

Так, может показаться, что смерть героя в антиутопии – это выражение его трагического противостояния враждебному миру в полном соответствии с гегелевской характеристикой трагической борьбы: «Человек, потерпевший поражение от судьбы, может потерять свою жизнь, но не свободу» [1. С. 167]. Значение феномена свободы в антиутопии не нуждается в разъяснении.

Но такая псевдотрагическая коллизия – лишь один из вариантов критической рефлексии: «Однако главная идея трагедий заключается в том, что смерть протагониста, получаемая в виде «судьбы» при эсхатологическом дележе мойр, всегда является смертью искупительной, смертью очистительной жертвы» [2. С. 387]. В антиутопиях XX века смерть протагониста не является искупительной жертвой, потому что не меняет ничего, а лишь доказывает невозможность изменить законы мира антиутопии, несбыточность мечты о победе над показанным общественным строем.

Путь героя Оруэлла в романе «1984» оканчивается смертью, но автор подчеркивает, что это не совсем смерть: «И ждет его не смерть, а уничтожение. Дневник превратят в пепел, а его – в пыль» [3. С. 37]. Его смерть не повлияет ни на что, не оставит после себя ничего, не поднимет

волну восстаний, не вдохновит на переворот, она просто пройдет незамеченной. В Окееии 1984 года возможность трагической смерти вообще поставлена под сомнение. «Уинстона вдруг осенило, что смерть матери почти тридцать лет назад была трагической и горестной в том смысле, какой уже и непонятен ныне» [3. С. 37].

Шеллинг дополняет трагическую коллизию смерти и свободы: «В этом заключается величайшая мысль и высшая победа свободы – добровольно нести также наказание за неизбежное преступление, чтобы самой утратой своей свободы доказать именно эту свободу и погибнуть, заявляя свою свободную волю» [4. С. 403]. Близким к этой вариации оказывается самоубийство дикаря Джона в романе «О дивный новый мир» О. Хаксли. Отделившись от общества, отринув все его блага и законы, он пытается скрыться от него. А когда и там его настигает любопытство общества, он делает выбор, и его выбором становится смерть. Но окружающее его антитрагическое общество (в романе Хаксли это реализовано, например, через отрицание Шекспира) не может понять аксиологической сути этой смерти, характерной для шекспировского героя. Гегелем это определяется так: «история великой души, ее внутреннее развитие, картина борьбы, приводящей к уничтожению самой этой души, и все сопутствующие этому обстоятельства, отношения и следствия» [5. С. 608].

В романе Замятина «Мы» протагонисту не суждено умереть, однако Д-503 переживает подобие смерти. Мысли героя о смерти – это проявление чувственного, крик его «болезни» – души. Д-503 переживает обморок, временную смерть в Древнем Доме. «Один шаг – под ногами качнулось. Я медленно, мягко поплыл куда-то вниз, в глазах потемнело, я умер» [6. С. 275]. Позже, анализируя свое состояние в тот момент, Д-503 приходит к выводу, что смерть неразрывно связана с любовью. «Отсюда, если через «Л» обозначим любовь, а через «С» смерть, то $L=f(C)$, т.е. любовь и смерть...» [6. С. 301]. Таким образом, свобода мысли, болезнь, называемая душой, приводит протагониста к мыслям о смерти. Но эти мысли исчезают, как только он читает в газете о появившейся возможности излечения его «болезни». В романе ему не грозит физическое уничтожение, но смерть настигнет его душу. Герой Замятина обречен навсегда остаться частью антиутопического общества, и его временный бунт не привел ни к чему. Бунт Уинстона также уничтожен вместе с его личностью. Но смерть его – это не смерть трагического героя, это смерть человека сломленного, уничтоженного властью

антиутопического мира. Трагическая смерть утверждает неизбежность высшего закона, а здесь торжествует низкое, бессмысленное, прозаическое.

О невозможности воспроизведения героического сценария в пространстве антиутопии пишет А.А. Казаков. В его статье герой антиутопии – это человек прозаический: «<...> и Оруэлл, и Хаксли в своих важнейших романах тоже пытаются противопоставить прозаическому миру героическую стратегию существования человека, предполагающую индивидуальное сохранение ценностей; но и в «1984», и в романе «О, дивный новый мир!» персонаж такого типа терпит поражение» [7. С. 269].

В итоге смерть героя романа-антиутопии не может иметь трагический или героический характер (хотя рефлексивное осмысление этих моделей может стать внутренним сюжетом антиутопии). Смерть в анти-жанре деконструирована полностью. Она олицетворяет полное уничтожение, стирание личности, полное затухание голоса героя, который стремится идти по трагическому или героическому пути, но в итоге либо жалок в смерти, как герой Хаксли, либо не может даже выбрать смерть, как герои Замятина и Оруэлла.

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Эстетика // Собрание сочинений : в 4 т. М. : Искусство, 1968. Т. 1. 312 с.
2. Фрейдсберг О.М. Миф и литература древности. М. : Восточная литература, 1998. 800 с.
3. Оруэлл Дж. 1984 и эссе разных лет. М. : Прогресс, 1989. 384 с.
4. Шеллинг Ф.В. Философия искусства. М. : Мысль, 1966. 496 с.
5. Гегель Г.В.Ф. Эстетика // Собрание сочинений : в 4 т. М. : Искусство, 1968. Т. 3. 623 с.
6. Замятин Е.И. Собрание сочинений : в 5 т. М. : Русская книга, 2003. Т. 2. 592 с.
7. Казаков А.А. О месте антиутопии в истории романа (к проблеме жанровой картины мира) // Картина мира: модели, методы, концепты. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. С. 267–271.